

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

**К Президенту и Законодательному собранию
Российской Федерации**

ПОЛИТИКА **А. УТКИН** — Поле будущей битвы

ОБЩЕСТВО **Д. ФУРМАН, К. КААРИАЙНЕН** — «Я доверяю президенту»
Проблемы социальной политики

ЭКОНОМИКА **А. МАЗИН** — Что цикл грядущий нам готовит?
А. ЗУЕВ, Л. МЯСНИКОВА — Впереди цифровая революция

МИР **С. ПРОСКУРИН** — Международные отношения в поствестфальскую эпоху

*ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ* **Е. БРАГИНА** — Подводя итоги

ИСТОРИЯ **А. ЧЕРНЯЕВ** — Неизвестный Брежнев
А. ПОЗНЕР — Памяти Плеханова

ДИСКУССИИ **О погоде в исторической науке**

АРХИВ **Россия под надзором**

*КНИГИ.
ИНФОРМАЦИЯ* **Л. ИСТЯГИН** — Новации в рамках традиции
Р. РОМОВ — Правый монархизм в губернском измерении
Коротко о книгах



Издаётся
с апреля 1924 года.
1924—1952 гг. — «Большевик»
1952—1991 гг. — «Коммунист»

ЖУРНАЛИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

№ 5 (1531)

2003

Содержание

К Президенту и Законодательному собранию Российской Федерации 3

ПОЛИТИКА **А. УТКИН** — Поле будущей битвы 6

ОБЩЕСТВО **Д. ФУРМАН, К. КААРИАЙНЕН** — «Я доверяю
президенту» 25

Проблемы социальной политики 41

ЭКОНОМИКА **А. МАЗИН** — Что цикл грядущий нам готовит? 48

А. ЗУЕВ, Л. МЯСНИКОВА — Впереди цифровая
революция 55

МИР **С. ПРОСКУРИН** — Международные отношения в
поствестфальскую эпоху 64

**ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ**

Е. БРАГИНА — Подводя итоги 72

ИСТОРИЯ

А. ЧЕРНЯЕВ — Неизвестный Брежнев 81

А. ПОЗНЕР — Памяти Плеханова 100

ДИСКУССИИ

О погоде в исторической науке 104

АРХИВ

Россия под надзором 112

**КНИГИ.
ИНФОРМАЦИЯ**

Л. ИСТЯГИН — Новации в рамках традиции 118

Р. РОМОВ — Правый монархизм в губернском
измерении 122

Коротко о книгах 124



Андрей
ПОЗНЕР

ПАМЯТИ ПЛЕХАНОВА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

М. Горький однажды язвительно заметил: «Плеханов — барин», сравнивая его с Лениным. Но жизнь рассудила иначе. Именно «барина» встретил 1 апреля 1917 года революционный Петроград как вождя российской социал-демократии. Лес красных знамен и стальных штыков, сотни представителей фабрик и заводов, торжественное пение Марсельезы — так откликнулся Петроград на возвращение Плеханова после 38-летней вынужденной эмиграции.

Кое-кто из публицистов считает, что большой интерес широкой общественности к деятельности группы «Освобождение труда» проявился в связи с публикацией в 1990 году сенсационной статьи Г. Куницына «Утаенное письмо». На титульном листе, как приговор, напечатаны слова автора: «Плеханов, Засулич и вся группа «Освобождение труда» пошла на нравственное преступление, спрятав письмо Маркса». (Здесь не место для полемики, но напомним, что «утаенное», «нокаутующее» и тому подобное письмо Маркса было напечатано в марте 1881 года, а группа возникла спустя два с половиной года...)

В упомянутой статье говорится: «Имя Плеханова вновь стало чрезвычайно популярным, хотя надо признать, что оно никогда не забывалось». Действительно, никогда не забывалось на словах, а не на деле. Например, в 1993 году большинство наших центральных газет, радио и телевидение просто забыли о 75-летней годовщине его смерти.

...В доме-музее Г. В. Плеханова в Липецке экспонируется церковная книга: одна из выцветших записей, сделанных рукой пономаря гудаловской церкви, сообщает, что 29 ноября (11 декабря) 1856 года в семье потомственного дворянина, отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова и его супруги Марии Федоровны, урожденной Белинской, племянницы знаменитого литературного критика и философа, родился сын, которому при рождении было дано имя Георгий.

Г. В. Плеханов часто рассказывал своим друзьям о годах учения в Воронежской военной гимназии, о том, как отец учил его править лошадьми. При этом однажды кричал: «Вожжей не отпускай» (нечто схожее с современным пожеланием «уметь держать удар»). Как резюмировал Плеханов, это осталось его правилом на всю жизнь.

Революционную деятельность Плеханов начинал в рядах народников. В декабре 1876 года произошло «боевое крещение». Он произносит блестящую речь против антинародной политики правительства во время демонстрации на Казанской площади Петербурга, попадает на заметку полиции и вскоре вынужден эмигрировать за границу.

Свидетельство одного из современников, ставшего впоследствии близким другом и сподвижником: «Своей внешностью и костюмом Плеханов, в противоположность почти всем тогдашним революционерам, нисколько не походил на «нигилиста»: он одевался чисто, аккуратно, но без претензий на франтовство... Уже тогда он являлся разносторонне образованным юношей. Чего только не знал он! Военные науки он усвоил в военно-учебных заведениях, прекрасно знал математику, физику, химию и другие точные науки, преподававшиеся в Горном институте. При этом он не довольствовался штудированием руководств, а читал еще много специальных сочинений,

ПОЗНЕР Андрей Романович — профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук.

Автор выражает свою благодарность заведующему Домом-музеем Г. В. Плеханова в Липецке Александру Березанскому за помощь, оказанную в подготовке настоящей статьи.

вызывая изумление как среди товарищей, так и профессоров. С юных лет он запоем читал решительно все, что только доставал по беллетристике, истории, публицистике...»

Глубоко отзывчивый к страданиям «униженных и оскорбленных», он во многом походил на своего родственника Белинского — «неистового Виссариона». И в то же время во многом был ему противоположен. В нем не было ничего общего с такими, например, взглядами Белинского, писавшего: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, огнем и мечом истребил бы остальную».

Плеханов был первым, кто дал аргументированную критику теории и практики народничества. Особое возмущение вызывала у него террористическая тактика народников-народовольцев. Он называл их «якобинцами», «бланкистами», людьми, способными на все, для которых цель оправдывает средства. «С такими людьми, — говорил он, — у нас нет и не может быть ничего общего». Он не побоялся заявить о своем расхождении с Марксом и Энгельсом в оценке террористической деятельности народовольцев. Как-то, еще в юности, он сказал: «Я не мог бы совершить террористический акт, мне кажется, что это должно быть ужасно тяжело, в особенности в старости было бы тяжело вспоминать об этом людям, совершившим такие акты». Подобная «мягкотелость» может показаться странной для выходца из военной среды, человека, готовившегося стать офицером. Но человеколюбие для отзывчивой и благородной природы Плеханова никогда не было понятием отвлеченным.

Пожалуй, наиболее значительная и яркая страница в жизнедеятельности Плеханова — создание первой российской социал-демократической группы «Освобождение труда». Сейчас, когда становится модным говорить о возрождении социал-демократии, полезно вспомнить ясные формулировки программы, написанной Плехановым в 1884 году: «Внося сознательность труда, где господствует ныне слепая необходимость, заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, представляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел... Только вполне демократическое государство может совершить экономический переворот, соответствующий с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства».

Уверены, что многие, называющие себя социал-демократами, не знакомы с программой группы «Освобождение труда», направленной на преодоление отчуждения труда (это отражено и в названии группы) — основы многих наших бед. К сожалению, и сегодня не уменьшается, а возрастает отчуждение труда, происходит закрепощение создателей материальных ценностей продуктами их собственной трудовой деятельности. Страсть к наживе, забота исключительно о личной выгоде отделяют людей друг от друга, увеличивают отчуждение, отрыв власти от общества, от народа, способствуя расцвету чиновничества и бюрократизма. В результате богатые становятся богаче, а бедные — беднее.

Среди активных пропагандистов идей группы были известные впоследствии деятели РСДРП — Н. Э. Бауман, А. В. Луначарский, отзывавшийся о Плеханове как о «великом соотечественнике и первом учителе нашем». «Плеханов, — вспоминал Луначарский, — был совершенно несравнимым собеседником по блеску остроумия, по богатству знаний, по легкости, с которой он умел мобилизовывать для беседы огромное количество духовных сил. Немцы говорят: богатый духом. Именно таким и был Плеханов».

Свидетельствует один из сподвижников Плеханова еще со времен создания группы «Освобождение труда» Д. Г. Дейч: «Бежав из Благовещенска,

я очутился в эмиграции (с 1901 года). Тогда для преобладающей части последних, не исключая отчасти и противников, Плеханов являлся авторитетом. Перед ним преклонялись все до единого, его боялись не только гг. рабочие, эсеры и т. п., но даже Ленин, Мартов, Потресов. Каждое его слово было чуть ли не законом, с ним на собраниях не решались спорить, за исключением анархистов, которых он изрядно побивал. Так продолжалось с некоторыми колебаниями до конца 1905 года, когда он стал терять свое исключительное положение».

Плеханов тогда (декабрь 1905 года) резко выступил против революционного террора: «Не надо было браться за оружие». И вскоре стало очевидно, что он ни с большевиками, ни с меньшевиками. Возражая против того, чтобы его причисляли к одной из этих фракций, Плеханов писал: «Я стою на точке зрения идей группы «Освобождение труда», и в каждое данное время я ближе к той из нынешних фракций социал-демократии, которая ближе к этим идеям. Я считаю, что прогресс нашей партии именно состоит в лучшем усвоении ею идей группы «Освобождение труда»».

Интеллигент в точном смысле этого слова, Г. В. Плеханов стоял над фракциями, старался найти согласие, единство между конфликтующими социал-демократическими группировками. Газета, которую он редактировал в Петербурге, называлась «Единство». Недаром его везде встречали как вождя и основоположника российской социал-демократии.

В 1915—1916 годах Г. В. Плеханов сотрудничал с социал-демократической группой «Свободное слово», издававшей журнал под редакцией участника группы «Освобождение труда» Л. Г. Дейча — «специалиста по побегам», который провел в тюрьме и на каторге 14 лет, в ссылке — 4 года. В 1916 году в майском номере этого журнала была опубликована статья Плеханова «Где же противоречия?», где он писал о том, что чрезвычайно дорожит этим изданием. В статье, в частности, говорится: «Если социалисты всех стран всегда были против захватных войн, то яснее ясного, что они всегда считали себя обязанными давать отпор таким войнам». Подчеркивая важность международной солидарности, Плеханов писал: «Международная солидарность заставит их (социалистов. — А. П.) сочувственно отнестись к народу, подвергнутому несправедливому нападению, а стало быть, постараться дать быстрый и своевременный отпор стране, совершившей такую несправедливость. Отпор на деле, а не только на словах».

Лидеры большевиков все дальше отдалялись от подлинной социал-демократии, взяв на вооружение террор, насилие, проявляя историческую торопливость в стремлении силой навязать обществу строй, к которому оно еще не было готово. Это уже тогда понимал Плеханов: «Русская история еще не смогла той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма», — писал он по поводу октябрьских событий 1917 года.

«С октябрьским переворотом вошло в обычай критиковать этого «владельца дум» как самого последнего изменника, — вспоминал Л. Г. Дейч. — Лица, не осмелившиеся раньше разинуть рта, смотревшие ему заискивающим взором в глаза, обрушились на него самым грубым, нахальным образом, извращая и клеветая на него и его взгляды».

Возвратившись в Россию в апреле 1917 года, Плеханов заметил как-то одному из своих друзей: «Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье». Увы, жить ему оставалось чуть более года.

В последние месяцы своей жизни, уже будучи тяжело больным, Плеханов подвергался унижительной травле со стороны захвативших власть бывших соратников. На пятый день после октябрьского переворота в его квартиру ворвались вооруженные люди и произвели обыск. Только случайность (не нашли ничего предосудительного) спасла его от гибели.

Примерно в это же время Плеханова посетил писатель Б. А. Пильняк, устный рассказ которого о встрече сохранился в записи: «Я начал собирать

материал о народниках, меня заинтересовала жизнь Плеханова (Бельтова). Георгий Валентинович один из немногих бескомпромиссных русских интеллигентов, человек с энциклопедическими знаниями. В эмиграции он прожил целую эпоху — 38 лет, а умирать отправился в Россию, вероятно, трудно русскому человеку жить на чужбине... Со мной он говорил два часа, мысли и взгляды свои скрывать не умел и не хотел.

...Осунувшийся, изнуренный болезнью Плеханов голодал. Извинившись, я бегом помчался на рынок. На барахолке продал фамильные драгоценности: серебряный портсигар, бабушкино золотое кольцо, часы. У окрестных крестьян купил масло, яйца, молоко, творог, хлеб и немного мяса.

— Сегодня, Борис Андреевич, вы для меня сделали гораздо больше, чем Ленин, — с горькой укоризной проговорил Г. В. Плеханов, — и все вместе взятые товарищи большевики. Прошу вас о нашем разговоре нигде не упоминать, нынче время злобно-крутое. Войны и революции не считаются с жертвами».

Г. В. Плеханов умер 31 мая 1918 года в больничном санатории Питкееarvi. По решению Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов гроб с телом был перевезен из Финляндии в Петроград. Похоронили Плеханова на Волковом кладбище, как он и желал, рядом с могилой В. Г. Белинского. Никто из большевистского руководства на похоронах не присутствовал. Даже нарком просвещения А. В. Луначарский, находившийся в те дни в Петрограде, не счел возможным прийти на похороны.

«Во время похорон было ужасно тяжелое состояние, — записал в дневнике Л. Г. Дейч, — я в нем многое потерял, да и не я один, а вся Россия, весь цивилизованный мир. Несмотря на крупные его недостатки и промахи (начиная со 2-го съезда, и его то сближения, то расхождения с большевиками), Плеханов все же является самым умным, наиболее даровитым и образованным социалистом не только России, но и на Западе. По эрудиции он, по-моему, стоял выше Каутского и Меринга, рядом с Энгельсом, что он сам, кажется, признавал».
